

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕМЫ ОСЕНИ В ЛИРИКЕ И. АННЕНСКОГО

В данной статье представлен сопоставительный анализ трех стихотворений И.Анненского, позволяющий проследить эволюцию «осенней» темы в его лирике. Показано, что стихотворение «Сентябрь», наследующее пушкинскую вариацию осенней темы, еще достаточно традиционно. При анализе стихотворения «Конец осенней сказки» вскрывается авторская игра с устойчивыми осенними поэтическими образами. Своеобразным итогом становится стихотворение «Ты опять со мной», прочитанное как указание на литературную исчерпанность образа осени, долгое время вдохновлявшего русских поэтов - классиков.

Ключевые слова: русская поэзия, тема осени, метафора, поэтический штамп, поэтология.

Осенние пейзажи в лирике И.Анненского многочисленны и неоднозначны. Эволюция осенней темы обнаруживается при сопоставительном анализе стихотворений «Сентябрь», «Конец осенней сказки» («Тихие песни»), «Ты опять со мной» («Трилистник осенний» из сб. «Кипарисовый ларец»).

«Сентябрь» Анненского еще во многом традиционен, обращен к пушкинскому наследию: *"Раззолоченные, но чахлые сады / С соблазном пурпура на медленных недугах, / И солнца поздний пыл в его коротких дугах. / Невластный вылиться в душистые плоды"* [1]. Пушкинская скрытая антитеза «пышное увяданье» в этом тексте намеренно обнажается, единство метафоры распадается в прямое противопоставление: сады «раззолоченные, но чахлые». Такой прием вводит изначальную антиномию двух семантических рядов, каждый из которых поддерживается своей системой образов. Первая смысловая линия – красота осенней природы – реализуется в метафорах «соблазн пурпура», «желтый шелк», «красота утрат». Вторая – тема смерти – более лексически и эмоционально насыщена: «недуги» садов, «поздний пыл» солнца, «грубые следы», «ложь свидания». Метафорический образ «черные, бездонные пруды» – имплицитная аллюзия на пропасть «могильного зева» из «Осени» Пушкина. Но если в пушкинском тексте этот образ «грандиозно гиперболичен, но не страшен (...) Смерть естественно входит в круговращение времени, она составная часть жизни, а не ее противоположность» [2], то у Анненского тема смерти выдвигается на первый план как нечто всевластное. Но все же смерть – не конечная точка этого стихотворения, поскольку в финале начинает звучать пушкинский мотив «красоты утрат»:

Но сердцу чудится лишь красота утрат,
Лишь упоение в замороженной силе;
И тех, которые уж лотоса вкусили,
Волнует вкрадчивый осенний аромат.

Ключевым для понимания заключительного стиха оказывается латентно присутствующий мотив творчества, реализующийся в скрытых пушкинских аллюзиях. «Осенний аромат волнует», вызывая в памяти строки о «лирическом волнении» из финала пушкинского отрывка, а изысканная метафора «вкусившие лотоса» – семантически равна пушкинскому «усыплен воображеньем». Таким образом, в финале «Сентября» Анненского, как и в пушкинской «Осени», задана тема творчества, но в вариации Анненского есть свой, глубоко личный аспект. Красота осени открывается, по Анненскому, «вкусившим лотоса», или поэтам. В семантике лотоса автор актуализирует его древнегреческую символику как цветка, заставляющего забыть прошлое и дарующего блаженство. Мотив забвения отсылает нас к целому ряду поэтологических текстов самого Анненского. Забвение в его лирике является своего рода вариантом творческого состояния. Е.Гитин пронизательно отмечает, что забвение в поэтиче-

ском мире «Тихих песен» и «Кипарисового ларца» – это особое состояние «неприсутствия» лирического субъекта в мире «биографической реальности» [3]. Иными словами, Анненский видит в поэзии, несущей забвение, «смысл и утешение нашего экзистенциального несчастья» [4].

Если «Сентябрь» Анненского – это еще традиционное стихотворение, наследующее одновременно пушкинскую вариацию осенней темы и ее изначальный элегический вариант, то «Конец осенней сказки» – стихотворение уже переходного типа. С одной стороны, за сложной метафоричностью этого текста еще ощутим пейзаж поздней осени, а с другой, становится очевидной авторская игра с условными формулами осенних текстов предшественников. К концу XIX столетия в русской поэзии сложился определенный канон в изображении осени, выработалось множество стереотипов, переходивших от поэта к поэту, например, повторяющиеся эпитеты: *желтые, пожелтелые, опавшие, поблекшие, мокрые, золотые* листья; *багряный, пестрый, обнаженный, раздетый* лес; *нагие* деревья». Приметы осени, перепеваемые многими стихотворцами: «блестит на солнце паутина, кисти красные рябины, прощальный убор золотой листвы, стая журавлей, клочья серых туч, туманные, ненастные вечера; музыка осеннего дождя». Очевидно, что эти «приметы» к концу века стали рутинными и требовалось обновление осенней темы [5].

Анненский вводит в свой текст устойчивые поэтические штампы поздней осени: паутина, туман, гроздь рябины – и обыгрывает их по-своему. У поэтов XIX века паутина обязательно «блестела» – вспомним: «*Лишь паутины тонкий волос / Блестит на праздной борозде*» (Тютчев), «*Там тянется, блестя на солнце, паутина*» (Греков). У Анненского мотив блеска метафорически обозначается как «*радуг паутина*», но образ продолжает жить во времени и «*радуг паутина / Почернела, порвалась*» (это в равной мере можно отнести и к осени календарной, и к поэтическому штампу осени). Следующие строки «Конца осенней сказки» обыгрывают описание «пышного», «пестрого» наряда осени, опять же снижая его высокую метафорику, поскольку «*В малахиты только тина / Пышно так разубралась*». Другая примета поздней осени, ставшая поэтическим стереотипом, – «туман» – приобретает у Анненского inferнальные черты: «*пар белесоватый / и ползет, и вьется ватой*». Очевидно, что автор начинает сознательно вводить в свой текст устойчивые поэтические образы осени, тем самым стихотворение становится условно пейзажным, это уже, если так можно выразиться, текст об «осеннем тексте» русской лирики. В таком случае название «Конец осенней сказки» намекает на закрытие классической темы осени.

Своеобразным итогом эволюции осенней темы у Анненского стало стихотворение, вошедшее в «Кипарисовый ларец», «Ты опять со мной» («Трилистник осенний»). Здесь Анненский снова обращается к «Осени» Пушкина, но при помощи иного поэтического приема. Текст начинает строиться с сознательным использованием «чужого слова». В начале «*Ты опять со мной, подруга осень, / Но сквозь сеть **нагих твоих ветвей***», – прямой повтор пушкинского словосочетания из первых стихов «Осени»: «*Октябрь уж наступил – уж роща отряхает / Последние листья с **нагих своих ветвей***». В первой строке своего стихотворения Анненский органично сплавляет ключевые мотивы пушкинского текста. Перечислим их.

Во-первых, олицетворение «подруга осень» отсылает к пушкинскому образу осени – «чахоточной девы», а глубже, к образу пушкинской музы, предстающей в его лирике девой, «подругой».

Во-вторых, особую семантическую нагрузку несет местоимение. У Пушкина осень – «*моя пора*». В местоимении «*моя*» объединяются темы осени и творчества, поскольку именно осенью «*пробуждается поэзия*». У Анненского осень «*опять со мной*». Таким образом, первая строка заявляет пушкинский вариант темы осени – поры «пробуждения поэзии». Тема наступления «*моей*» (пушкинской) осени как творческого времени подкрепляется у Анненского наречием «*опять*».

Далее Анненский использует свой излюбленный прием, сначала он вводит в сознание читателя узнаваемую поэтическую структуру, а затем «говорит» *но* и начинает опровергать текст предшественника. Союз *но* стоит уже в начале второй строки, и последующий текст строится как последовательное снижение пушкинской осенней метафоричности:

Но сквозь сеть нагих твоих ветвей
Никогда бледней не стыла просинь,
И снегов не помню я мертвей.

Я твоих печальнее отребий
И черней твоих не видел вод.
На твоём линияло-ветхом небе
Желтых туч томит меня развод.

Заметно нагнетание мортальных мотивов, как и в «Конце осенней сказки»: синева небес – бледная, воды – черные, снега – мертвые.

Второе четверостишие Анненский насыщает аллюзиями на знаменитую VII строфу пушкинской «Осени». Отметим грамматический параллелизм конструкций (мест. твой + прилагательное + существительное): у Пушкина «*твоя прощальная краса*»; у Анненского «*твоих печальнее отребий*». Сходство конструкции только подчеркивает антитетичность смысла. Пушкинское «*пышное природы увяданье*» предстает у Анненского как «*печальные отребья*». Такой подчеркнутый антипоэтизм выражений, между прочим, заимствован Анненским у Пушкина, только обыгран иначе. Вспомним, что у Пушкина принципиально антипоэтична весна: «*грязь, вонь – весной я болен*». Этот мотив «болезни» отзывается у Анненского в строке «*Желтых туч томит меня развод*», что одновременно отсылает и к пушкинским строкам о лете («*лето красное ... нас мучишь*»). Таким образом, Анненский рисует осень при помощи лексики, адресованной Пушкиным к другим, непоэтическим для него временам года. Тем самым поэт отказывает осени в ее особом статусе поры вдохновения.

Осеннее небо получает в тексте эпитет «*линяло-ветхое*», тоже заключающий в себе поэтологическую проблематику. Его семантика проявляется в контексте стихотворения в прозе «Сентиментальное воспоминание». Здесь Анненский обыгрывает традицию метафорически представлять рифму условным женским персонажем. «Рифмы» здесь – нимфы «с *линяло-розовым кушаком на белой кисее чехлов, ... в предательски желтых веснушках на тонкой петербургской коже*». Основная черта облика рифм-нимф у Анненского – бледность, истощенность. Поэтологический смысл их «болезненности» объясняется в самом «Сентиментальном воспоминании» – это «банальные рифмы» и «жалкие метафоры» [6]. Таким образом, эпитет «линялый» приобретает в контексте творчества Анненского поэтологическую семантику, он маркирует тему обветшания поэзии, поэтических образов.

Заключительные строки стихотворения «Ты опять со мной» тоже отчетливо полемичны по отношению к финалу пушкинского текста. У Пушкина – мотив самозабвения, самоуглубления: «*забываю мир*», «*сладко усыплен*»; у Анненского, напротив, – беспощадная трезвость видения: «*до конца все видеть*»; у Пушкина – «*и просыпается поэзия во мне*»; Анненский видит «*пустыми тайны слов*».

Пушкинский отрывок заканчивается образом открытого и свободного движения, переходом сна в творческий прорыв, «пробуждением поэзии». У Анненского смерть становится конечной точкой стихотворения, пушкинского движения жизни в поэзию не происходит. Мотив застывания усиливается, поскольку поэт и сам «цепенеет».

Не преминул Анненский обыграть и финальное многоточие, завершающее пушкинскую «Осень». В заключительном четверостишии стихотворения «Ты опять со мной» он четыре раза использует многоточие, помещая его в конце 1, 2, 4 стихов и в середине 3-го. Но семан-

тическое наполнение этого графического элемента текста у него принципиально иное. Если у Пушкина многоточие маркирует «полную свободу ответа» (Н.Л. Степанов), «семантический взрыв» (Ю.М. Лотман), то у Анненского оно становится знаком «застывания», «утраты смысла» и, вместе с тем, – смерти стиха, его угасания-обрывания. Иными словами, это можно читать как указание на литературную исчерпанность образа «осени», долгое время вдохновлявшего поэтов-классиков.

Библиографический список

1. Анненский, И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л.: Советский писатель, 1990. - С. 62.
2. Чумаков, Ю.Н. Жанровая структура «Осени» // Чумаков Ю.Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 1999. - С. 341.
3. Гитин, В. Точка зрения как эстетическая реальность // Иннокентий Анненский и русская культура XX века. СПб., 1996. - С. 9.
4. Верхейл, К. Трагизм в лирике Анненского // Иннокентий Анненский и русская культура XX века. СПб., 1996. - С.39.
5. Бельская, Л.Л. Осень в русской поэзии // Русская речь. - 2010. - № 6. - С.11.
6. Анненский, И.Ф. Стихотворения и трагедии. Л.: Советский писатель, 1990. - С. 215.

A.V.Podvornaya
Omsk's state pedagogical university

EVOLUTION THEME OF AUTUMN IN THE POETRY OF I. ANNENSKY

This article presents the comparative analysis of three I. Annensky's poems that allows tracing the evolution of "autumn" theme in his lyrics. The Annensky's poem «September», inheriting Pushkin variation of autumn theme, is still quite traditional. The poem «The End of Autumn Fairytale» is constructed as the author's game with sustainable autumn poetic images. The poem «You're with me again» becomes original result, which was read as an indication of literary exhaustion of autumn image, which inspired the Russian classical poets for a long time.

Key words: the Russian poetry, theme of autumn, metaphor, poetic stamp.

References

1. Annensky I.F. *Stikhotvoreniya i tragedii* [Poems and tragedies]. Leningrad, 1990. 640 p.
2. Chumakov Yu.N. *Stikhotvornaya poetika Pushkina* [Verse poetics of Pushkin]. Saint Petersburg, Gosudarstvennyy Pushkinskiy teatral'nyy tsentr v Sankt-Peterburge, 1999. p.
3. Verkheyl K. The tragedy in the lyrics Annensky. *Innokentiy Annenskiy i russkaya kul'tura KhKh veka*. Saint Petersburg, 1996. pp.
4. Gitin V. Both in terms of aesthetic reality. *Innokentiy Annenskiy i russkaya kul'tura KhKh veka*. Saint Petersburg, 1996. pp. 34-53.
5. Bel'skaya L.L. Autumn in Russian poetry. *Russkaya rech'*, 2010, no. 6, pp.3-11.
6. Annenskiy I.F. *Stikhotvoreniya i tragedii* [Poems and tragedies]. Leningrad, Sovetskiiy pisatel', 1990. P. 215.

Автор статьи – Алла Владимировна Подворная, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, e-mail: alla_omsk@bk.ru.

Рецензенты:

Е.А. Акелькина, доктор филологических наук, профессор, Центр изучения творчества Ф.М. Достоевского Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского;
С.А. Демченков, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.